

УДК 159.953 + 316.627 + 94(470)“1941/1945”

В. Д. Камынин

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Рассматривается эволюция отражения в общественном сознании россиян исторической памяти о Великой Отечественной войне в советский и современный периоды. Анализируются факторы, оказывающие влияние на формирование исторической памяти о войне.

Ключевые слова: историческая память, общественное сознание, переосмысление и мифологизация истории.

Известно, что человек одновременно живет в прошлом, настоящем и будущем. Осмысление человеком всех этих трех состояний своего существования оказывает значительное влияние на формирование общественного сознания.

Историческая память наряду с историческим сознанием обеспечивает переработку и трансляцию социокультурной и событийно-национальной информации из прошлого через настоящее — в будущее. Историческая память выступает совокупным прошлым опытом, который обеспечивает единство культурно-исторического процесса и его преемственность. Каждое поколение приобщается к социальной памяти в ее конкретно-образной форме и в форме сознательного и «коллективного бессознательного», сконцентрированных в памятниках материальной и духовной культуры, в документах и материалах различных эпох, хранящихся в архивах, музеях, библиотеках и т. п.

Л. Н. Коган определял память как фиксацию прошлого, сочетающуюся с его оценкой [7, 143]. Следует согласиться с мнением некоторых исследователей, совершенно справедливо отмечающих, что историческое сознание ассоциируется обычно с позитивным. Оно фиксирует в социальной памяти народа не все события, а только те действия государства, различных политических сил, исторических лиц, которые отвечают справедливости, устойчивости этнонациональных образований, культурно-исторической традиции [8, 101].

В Советском Союзе память о войне была сильно мифологизирована. В мифологизации сознания советских людей не было ничего необычного. Мировая историческая наука сознательно или бессознательно занимается мифологизацией прошлого. Израильский ученый Г. Городецкий пишет: «Все нации вскормлены мифами, но политические системы, порожденные революциями, буквально упиваются ими». Историк специально остановился на характеристике памяти о Великой Отечественной войне, существовавшей в Советском Союзе. По его словам, «в России, в рамках официально созданного культа Великой Отечественной войны, была сформулирована и развита конформистская вер-

КАМЫНИН Владимир Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор, завкафедрой евразийских исследований Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: kamynin@yandex.ru).

сия ее истории. В течение полувека созданная официозом память о войне была одной из серьезнейших сил, объединяющих и цементирующих российское общество. Она не была направлена ни на формирование событий прошлого для потомков, ни на увековечивание памяти павших... Коллективную память, травмированную войной, поставили на службу идеологии — и не важно, что это не всегда делалось с умыслом» [4, 3].

Пересмотр истории Великой Отечественной войны, который начался в годы перестройки в исторической науке, практически не затронул память о войне в широких народных массах. Усиленное раскрытие историками белых пятен, «фигур умолчания», «зон, закрытых для мысли» оказывало слабое влияние на историческую память, которая в абсолютном большинстве народа ассоциировалась с понятием «Великая Победа».

Поэтому ничего нет удивительного в том, что сразу же после распада СССР были сделаны попытки разрушить историческую память россиян о войне. Уже в 1992 г. в книге В. Суворова «Ледокол», выпущенной в России миллионными тиражами, прямо указывалось: «Сейчас Россия лишилась насильственно навязываемой ей идеологии, и поэтому память о справедливой войне осталась как бы единственной опорой общества. Я разрушаю ее» [12, 6].

Книгами «Ледокол», «День “М”» и многими другими В. Суворов попытался скорректировать историческую память россиян о Великой Отечественной войне, заложить в нее чувство вины за деятельность советского руководства, которое, спланировав и развязав вместе с Германией Вторую мировую войну, готовило почву для достижения мирового господства путем превращения Второй мировой войны в войну революционную. Г. Городецкий, на протяжении двух с половиной десятков лет отслеживающий творчество В. Суворова, в своей последней работе пишет: «Его книги возрождают старые мифы, последовательно и намеренно нагромождают препятствия на пути к истине, вульгаризируя сложную ситуацию» [5, 5–6].

Книги В. Суворова не только дали толчок для появления в отечественной историографии феномена «сувориады», которая стала частью более широкого направления, получившего название «фолк-хистори» [3, 10], но и считались ценным пособием для исследователей либерального толка, попытавшихся переосмыслить историю Великой Отечественной войны.

Не случайно именно в 1990-е гг. книги В. Суворова публиковались массовыми тиражами. Дело в том, что в переходную, кризисную эпоху важное место приобретает процесс самоидентификации общества, причастности этноса к историческим судьбам страны. Известно, что жизнеспособность общества определяется тем, насколько государственно-образующий народ идентифицирует себя с базовыми ценностями и принципами жизнестроения, чувствует кровную связь с традициями, обычаями, историческим и духовным наследием предыдущих поколений.

В переходную «смутную» эпоху, когда рушатся старые ценности и рациональное начало отступает под натиском иррациональных сил, происходит усиленное производство мифологий, которые искажают взгляд как на реальную действительность, так и на общественное, в том числе историческое, сознание

значительной части населения. Особенно в переходный период обрабатывается сознание обывателей, простых граждан, которое направлено на сохранение уже имеющихся социальных и материальных выгод и на возврат тех, которых они лишились в процессе кризиса и разложения старого строя.

Новая мифологизация истории не была бы возможна, если бы в России и за ее рубежами не существовали бы силы, заинтересованные в продолжении искажения памяти о Великой Отечественной войне.

В обработке исторического сознания массы российских обывателей были заинтересованы некоторые политические элиты, ибо от ее (массы) поддержки зависит исход любой политической кампании. Кроме того, появилось большое количество «ниспровергателей мифов», своеобразных иконоборцев, которые путем вскрытия белых пятен в истории войны, дегероизации бывших героев и постановки на пьедестал новых пытались не только переписать историю Великой Отечественной войны, но и сформировать новую систему представлений о войне, навязав ее молодому поколению россиян.

За рубежом усиленно распространялись мифы о том, что только благодаря поддержке Запада была выиграна Великая Отечественная война. В изданных в России на средства иностранных фондов книгах авторы писали, что «Великая Победа, одержанная благодаря подвигу народа, привела не только к разгрому германского фашизма, спасению человечества от коричневой чумы, но и к укреплению советского тоталитарного государства, громадному росту авторитета сталинского режима, созданию целого лагеря государств — от Эльбы до Меконга, контролируемых Кремлем» [10, 12].

При рассмотрении проблемы о влиянии исторической памяти о Великой Отечественной войне на общественное сознание россиян в настоящее время следует выделить ряд моментов.

Во-первых, нельзя говорить об исторической памяти россиян в целом, ибо современное российское общество, как и любое другое общество, неоднородно. Необходимо отличать историческую память о войне молодого поколения россиян, формирующуюся под влиянием образования, воспитания, мемориальных памятников, средств массовой информации и т. д., и память старшего поколения, прошедшего войну.

Молодому поколению россиян свойственны острые противоречия, разнонаправленные тенденции. Главным из них, по нашему мнению, является противоречие между формирующимся под влиянием коммуникационных систем планетарным общественным сознанием и сознанием, в котором на поверхность выходят агрессивные-анархические архетипы.

Старшее поколение также относится к войне по-разному. Одно дело память солдата-победителя, другое дело память жертв войны. Можно согласиться с тем, что «многие группы жертв и участников войны так и не обрели права на свой собственный голос — или стали приобретать это право только тогда, когда уже мало кто из них мог им воспользоваться». К этим категориям населения относят инвалидов, остарбайтеров, жителей оккупированных районов, немногих из уцелевших в лагерях уничтожения и доживших до наших дней евреев и узников других национальностей [Там же, 5].

Во-вторых, следует осознавать, что в современной России проблема исторической памяти о Великой Отечественной войне достаточно политизирована. Политизация проблемы исторической памяти проявляется в том, что в условиях реально существующего плюрализма мнений научные и публицистические издания, а также средства массовой информации навязывают населению различные варианты исторической памяти. По нашему мнению, в этом нет ничего необычного. Немецкий автор Х. Вельцер пишет: «В прежние времена считалось, что споры и конфликты по поводу политики памяти о Второй мировой войне, о Третьем рейхе и о холокосте будут затихать по мере вымирания тех поколений, которым довелось пережить эти события на собственном опыте. Но вопреки этим прогнозам в большинстве европейских стран подобные споры становятся лишь более интенсивными». Причину этого автор усматривает в том, что на Западе «политика памяти превратилась в одну из арен внутренней и внешней политики, где заявление претензий по поводу незаслуженных страданий, причиненных тем или иным группам в прошлом, стало веским аргументом, используемым для обеспечения сегодняшних интересов» [2, 28].

В то же время в зарубежной и российской либеральной литературе Россию обвиняют в том, что ее отношение к Великой Отечественной войне отличается от отношения многих государств Запада. Сторонники этого подхода указывают, что «Россия и Германия в отношении памяти о войне вписаны в разные контексты» [9, 4–5].

Первое различие между отношением к исторической памяти о войне в ФРГ и России видится данными авторами прежде всего в том, что в Германии по этой проблеме часто проводятся общественные дискуссии, выпускается большое количество литературы, а в России отношение к ней довольно прохладное. По этому поводу хочется заметить, что в связи с юбилеями Великой Победы в 1995 и 2000 гг. отношение научной общественности к проблеме исторической памяти резко изменилось, в России были опубликованы не только исследования отечественных историков, но и произведения западных авторов, изучающих проблему исторической памяти вообще и памяти о Второй мировой войне в частности. Уровень обсуждения данной проблемы в отечественной историографии очень острый.

Второе отличие усматривается в том, что «Германия включена в общемировой процесс смены историцистского подхода к прошлому — интересом к памяти и наследию, а также в общий обмен символов памяти», а «в России этот процесс только начинается, она еще слабо участвует в интернационализации памяти» [9, 4]. Нам представляется, что таким образом российским историкам вновь навязывается «единственно верный» вариант того, как следует изучать историю в целом и проблему исторической памяти в частности.

Россию обвиняют также в том, что поскольку индивидуальная память или память отдельного человека формируется во многом под влиянием коллективной памяти, которая «нацелена на обеспечение групповой идентичности», «фиксирует реальные или вымышленные события прошлого, обеспечивающие единство группы, и “вырезает” факты, угрожающие ее целостности» [11, 40], официальные власти России манипулируют исторической памятью о войне, пытаются

поставить Великую Победу на службу государству. Ю. Н. Афанасьев прямо указывал на то, что «нынешняя власть фактически празднует победу, одержанную сталинской властью, которая вышла из войны окрепшей и еще в большей мере противостоящей народу-победителю» [1, 15]. Некоторые авторы утверждают, что «голос воевавшего народа, голос ветеранов войны по-прежнему узурпирует власть». По их мнению, «сегодня, так же как и в советское время, память о войне скорее служит легитимизации политического режима, нежели имеет непосредственное отношение к самой войне» [9, 5].

Важной проблемой современной науки является вопрос о методах сохранения и трансляции исторической памяти. В частности, ведутся острые споры по вопросу о соотношении между исторической наукой и исторической памятью, о том, может ли историческая наука повлиять на историческую память.

Многие исследователи традиционно рассматривают историческую науку как важнейшее средство сохранения и трансляции исторической памяти.

А. В. Трофимов признает, что в условиях информационного общества меняются механизмы трансляции исторической памяти и способы ее восприятия. По его словам, «сегодня талантливо созданный фильм способен привести к большему подвижкам в общественном сознании, чем несколько научных конференций или фундированных монографий». Но при этом он пишет: «Профессиональные историки не должны отсиживаться в “башне из слоновой кости” и успокаивать себя решением основных научных проблем. Общество нуждается в выверенной, яркой, социально ориентированной информации о месте и роли Великой Отечественной войны в мировой и национальной истории» [13, 182, 183].

Мы поддерживаем данное мнение и полагаем, что прежде чем в очередной раз заниматься переписыванием истории Великой Отечественной войны и критиковать предшественников в намеренной фальсификации истории и искажении исторической памяти, следует отдать дань поколениям историков, которые трудились и трудятся не покладая рук, создавая эту историю и сохраняя тем самым историческую память о войне. Не следует предъявлять предшественникам завышенных требований, ибо каждый этап развития исторической науки в нашей стране характеризовался своим подходом к истории Великой Отечественной войны и исследователи работали в условиях сформировавшегося общественного заказа на память о войне [6, 73–84].

В противовес данному мнению весьма распространенным в зарубежной и отечественной историографии является взгляд, противопоставляющий историческую науку и различные виды памяти (индивидуальную, коллективную, публичную). Основное различие между историей и памятью французский социолог М. Хальбвакс видел в том, что история смотрит на происшедшие события извне и обращает внимание прежде всего на изменения и различия, а коллективная память рассматривает их изнутри и фиксирует прежде всего сходства [14, 26–27]. По мнению немецкого автора Х. Вельцера, «в то время как история занимается установлением имевших место фактов и выдвижением по их поводу поддающихся проверке утверждений, память абсолютно оппортунистична: она берет то, что ей полезно, и отбрасывает то, что представляется ей

лишним или неприятным» [2, 33]. При этом исследователи не могут договориться по вопросу о том, что дает более объективную картины войны — историческая наука или историческая память.

Французский автор П. Нор в эссе «Между памятью и историей» утверждает, что «память всегда была объектом подозрения для истории, истинное назначение которой — ее разрушение и подавление» [15, 15]. В российской историографии эту точку зрения разделяют многие либеральные ученые. Ю. Ю. Хмелевская считает, что «история и память не только репрезентуют, но и передают прошлое различными способами — в тех условиях, где неофициальные интерпретации прошлого считаются государственной изменой или попадают в незнакомую среду, память, выраженная в устной и визуальной формах, может являться средством сопротивления и несогласия, помогая в то же самое время выжить во враждебном или непривычном окружении» [Там же, 7–8].

В отличие от них Ю. Н. Афанасьев указывает на начавшуюся после падения советского режима «все больше углубляющуюся пропасть между историей (знанием о том, что происходило) и памятью, т. е. тем мифологизированным представлением о прошедшем, которое сформировалось в сознании народа, невероятной ценой победившего завоевателей» [1, 16]. Либеральные авторы указывают, что в России «память о Великой Отечественной войне еще редко осознается как вопрос, не совпадающий с изучением истории войны и признанием ее “государственного значения”. Предлагаемые историками новые трактовки военной истории зачастую воспринимаются как “осквернение памяти”» [9, 4–5].

В качестве вывода хочется обратить внимание на то, что чем дальше будет уходить в прошлое Великая Отечественная война, тем актуальнее и острее будет вставать проблема исторической памяти о ней. Эпохальность этого события в мировой истории настолько велика, что осмысление его значения станет для следующих поколений важной задачей, от которой зависит недопущение повторения подобного события впредь. Наличие внешнеполитического и внутриполитического дискурса по поводу исторической памяти о войне доказывает, что Великая Отечественная война никогда не будет только прошлым, только экстремальным историческим опытом — она присутствует в настоящем. В исторической науке возникают новые интерпретации происшедших событий, а на уровне обыденного сознания — новые чувства, ощущения и т. п.

1. Афанасьев Ю. Н. Другая война: история и память // Другая война. 1939–1945 / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 15–31.

2. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3. С. 28–35.

3. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История на распродажу: тупики псевдо-исторической мысли. М., 2005.

4. Городецкий Г. Миф «Ледокола»: накануне войны. М., 1995.

5. Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2008.

6. Камынин В. Д. Осмысливая опыт прошлого: история Уральского добровольческого танкового корпуса на переломе эпох // Никто не забыт, ничто не забыто: К 65-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Екатеринбург, 2008. С. 73–84.
7. Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург, 1994.
8. Королев А. А. Историческое сознание // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты : энцикл. словарь. М., 2001. С. 99–101.
9. Память о войне 60 лет спустя — Россия, Германия, Европа // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 4–5.
10. Переосмысливая уроки военной поры // Другая война. 1939–1945. М., 1996.
11. Ровный Б. И. Инструменты исследования коллективной памяти: возможности и искушения // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 38–49.
12. Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992.
13. Трофимов А. В. Историческая память о Великой Отечественной войне: изменчивость мифологии и стереотипы восприятия // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2005. С. 179–184.
14. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.
15. Хмелевская Ю. Ю. О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. С. 4–21.

УДК 327.5 + 94(470)“1941/1945” + 94(497.1)“1941/1945”

А. С. Кулагин

РОЛЬ СССР В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРИЗНАНИИ НОВОЙ ЮГОСЛАВИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ (1944–1945) В КОНТЕКСТЕ МЕЖСОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Анализируется роль СССР в международном признании новой Югославии на завершающем этапе Великой Отечественной войны в контексте отношений в рамках Большой тройки. Показаны особенности и различия в подходах великих держав к решению данной проблемы.

Ключевые слова: СССР, Югославия, союзники, признание.

Тема борьбы СССР за установление просоветских режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе на завершающем этапе Второй мировой войны и после ее окончания достаточно часто привлекает внимание исследователей. Однако сам механизм развития отношений между СССР и местными просоветскими силами в годы войны, а также характер межсоюзнических отношений по этим вопросам изучены недостаточно. В частности, по югославскому

КУЛАГИН Александр Сергеевич — соискатель кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: sandrik_ekb@mail.ru).

© Кулагин А. С., 2011